

Долматов Антон Алексеевич

ПРАВОСЛАВНОЕ ДУХОВЕНСТВО СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ ПОСЛЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (МАРТ-ОКТЯБРЬ 1917 Г.)

В статье анализируются взаимоотношения православного духовенства Симбирской губернии с обществом, сложившиеся после Февральской революции (март-октябрь 1917 г.). На основе архивных материалов автор пришёл к выводу, что после падения российской монархии симбирское духовенство испытало небывалый натиск революционных сил: захватывались церковные земли, арестовывались и изгонялись из приходов священники. Всё это привело к коренной трансформации отношений общества и духовенства.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/8-2/12.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 8 (22): в 2-х ч. Ч. II. С. 57-60. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 94(470.42):322«19»

Исторические науки и археология

В статье анализируются взаимоотношения православного духовенства Симбирской губернии с обществом, сложившиеся после Февральской революции (март–октябрь 1917 г.). На основе архивных материалов автор пришел к выводу, что после падения российской монархии симбирское духовенство испытало небывалый натиск революционных сил: захватывались церковные земли, арестовывались и изгонялись из приходов священники. Всё это привело к коренной трансформации отношений общества и духовенства.

Ключевые слова и фразы: Симбирская губерния; православное духовенство; Февральская революция; захваты церковных земель; конфликты населения с духовенством.

Антон Алексеевич Долматов

Кафедра регионоведения и международных отношений

Ульяновский государственный университет

antdolmatow@yandex.ru

ПРАВОСЛАВНОЕ ДУХОВЕНСТВО СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ ПОСЛЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (МАРТ–ОКТЯБРЬ 1917 Г.)[©]

Февральская революция 1917 г. и деятельность Временного правительства знаменовали краткий период демократизации религиозной политики в России. Новая власть провозгласила свободу совести и право свободного развития для всех церквей. А. Ф. Керенский, подчёркивая заслуги Временного правительства, писал: «Восстановлена независимость Православной Церкви... Всем другим церквям, сектам и религиям была предоставлена полная свобода обращать приверженцев в свою веру» [8, с. 156]. Одновременно Февральская революция стала началом глубоких, необратимых процессов трансформации социально-экономических, политических и культурных основ жизни духовенства в России. Первоначально наиболее болезненно происходившие трансформации в общественной жизни коснулись православного духовенства, занимавшего государственные позиции в дореволюционной России.

Православная Церковь пользовалась во все периоды отечественной истории огромным влиянием на жизнь страны и, кроме того, обладала значительными земельными владениями. Однако в 1917 г. Церковь испытала сильнейший натиск революционных сил общества. Находившаяся в руках Православной Церкви земельная собственность стала оспариваться и захватываться крестьянством, требовавшим земельного передела, всё чаще возникали конфликты местного населения со своим приходским духовенством. Изменилось в негативную сторону и отношение части общества, особенно солдат, и отдельных представителей новой власти на местах к духовенству Православной Церкви.

В Симбирской губернии, являвшейся в начале XX в. аграрным регионом, революционные процессы, особенно в деревне, болезненно затронули положение православного духовенства – самого многочисленного в губернии. Согласно статистическим данным 1910 г., православное духовенство Симбирской губернии составляло 1918 человек: белое духовенство – 1706 человек, монашествующее – 212 человек [12, с. 48]. Позиции духовенства в губернии были весьма внушительными: на территории региона находилось 9 православных монастырей, 829 храмов и 133 часовни [Там же].

Февральская революция расшатала весьма внушительные социальные и имущественные позиции православного духовенства Симбирской губернии, подтолкнув крестьянство к захватам земель. Несмотря на столь отрицательные последствия революции, духовенство губернии не выступило с осуждением революционных событий, приведших к свержению монархии, наоборот, архиепископ Симбирский и Сызранский Вениамин (Муратовский) и симбирский епархиальный съезд представителей духовенства и церковных старост 25 апреля – 2 мая 1917 г., положительно оценили свержение самодержавного строя [3, д. 212, л. 1]. В обращении симбирского архиепископа и председателя епархиального съезда к гражданам губернии о повинности Временному правительству говорилось: «Править государством может не только царь, но и сам народ, через своих представителей. Такое правление более подходит для столь великого государства, как Россия» [Там же, л. 3].

Следует подчеркнуть, что исследованные архивные материалы по Симбирской губернии позволили сделать вывод о том, что значительная часть сельских священников без энтузиазма и даже с сожалением восприняла падение монархии. В то же время среди младшего клира сельских приходов – диаконов и псаломщиков – встречались сторонники революции. Во многом это связано с тем, что диаконы и псаломщики, в отличие от священников, получали меньшую часть причтового дохода. После революции на вышеуказанном епархиальном съезде была пересмотрена норма раздела причтового дохода, что в свою очередь вызвало негативную реакцию со стороны священников [4, д. 2059, л. 51-52]. Таким образом, взаимоотношения внутри духовенства, как и оценки революции, были намного сложнее и разнообразнее, чем принятое решение епархиального съезда о признании свержения монархии, что, скорее всего, явилось следствием растерянности церкви весной 1917 г. Подтверждает последний вывод и А. И. Введенский – один из лидеров обновленчества: «...в период весны 1917 г. церковь мечется» [2, с. 3].

В первые недели весны 1917 г., когда руководство Симбирской епархии ещё не осознало в полной мере угрозу революции для Церкви, духовенство сельской местности губернии на опыте почувствовало масштаб революционной стихии в деревне. Церковь, являвшаяся обладателем крупных земельных владений, стала одним из объектов крестьянских земельных захватов. В селе Прислониха Симбирского уезда местный священник так описал прошедшее в апреле 1917 г. собрание сельского общества: «В половине апреля сего года мне призванному на общественный сход было предложено отдать церковную землю в полное распоряжение общества» [6, д. 219, л. 6]. Несмотря на то, что священник активно сопротивлялся требованиям крестьян, даже назвал селян «бунтовщиками и забастовщиками» [Там же, л. 35] за желание отнять законную частную собственность, выстоять против всего села было ему невозможно. Впоследствии священник был перемещён из прихода решением Симбирской духовной консистории.

В некоторых поселениях выбранные крестьянами в 1917 г. сельские исполнительные комитеты, решив отобрать церковную землю и желая удалить неуступчивых священников из сёл, запрещали им проводить службу в местных храмах, отбирали ключи от храмов, чтобы они даже не смогли вести Литургию. В итоге священники оставались без земли, без доходов от церковной службы. Терялось социальное и имущественное положение в деревне. Священник села Безштановка Сенгилеевского уезда, которого постигло подобное несчастье, с грустью и отчаянием писал архиепископу Вениамину: «Два уже месяца от цер.[ковной] службы я не получаю дохода. На днях прихожанин просил меня служить сорокоуст, а комитет не позволил. Лишён возможности производить обычные сборы, отнята земля» [Там же, д. 232, л. 36].

Желая завладеть земельной собственностью крупных владельцев, отдельные сельские и волостные исполнительные комитеты через своих представителей в частной беседе угрожали применением насилия священникам и состоятельным землевладельцам, требуя их ухода с обжитых мест, чтобы таким образом захватить собственность. Так, например, представитель волостного исполнительного комитета в селе Папузы Карсунского уезда 27 апреля 1917 г., обратившись к местному священнику, «предложил ему в 24 часа оставить церковный храм и с семейством удалиться из прихода, в противном случае угрожая учинить расправу» [Там же, д. 215, л. 10-11]. Угрозы были настолько весомыми, что священник был вынужден той же ночью выехать из села.

Крестьяне Симбирской губернии захватывали и монастырские земельные владения. Управляющий Жадовской Богородице-Казанской пустыни архимандрит Каллист 31 августа 1917 г. писал, что крестьяне-арендаторы захватили земельные участки, принадлежавшие обители: «...со времени Государственного переворота (*Февральская революция* – А. Д.), фактически всеми участками в полном их составе завладели крестьяне. Контракты об аренде этих земель, участков ими нарушены. Отказавшись от уплаты аренды, пахотную землю крестьяне перedelили между собой» [4, д. 2059, л. 1].

Зачастую конфликты со священниками у крестьян возникали из-за высокой платы за требы. В условиях войны, дороговизны жизни, роста цен на товары первой необходимости, повышение платы по требам крестьянами воспринималось как совершенно неоправданное со стороны священника. Крестьяне в таких случаях обычно решали на сельских сходах искать другого священника [5, д. 63, л. 54-55]. Однако конфликты не всегда быстро разрешались и могли переходить в многомесячное противостояние.

Не менее сложными были взаимоотношения духовенства и солдат, особенно дезертировавших с фронта и убывших в деревни в 1917 г. Многие священники указывали на крайне разлагающее влияние дезертиров на крестьянство. Солдаты-дезертиры подбивали население на революционные действия и, кроме того, отличались особым неуважением к духовенству. В летописи Казанской церкви села Кивать Сенгилеевского уезда сообщалось о том, что весной 1917 г. в сёла округа стали прибывать дезертиры: «...на Св.[ятой] неделе (*Святая неделя – первая праздничная неделя после Пасхи.* – А. Д.) в приходы – в силу данных свобод – явилось много солдат-дезертиров, которые и стали подстрекать народ к захватам земель: церковных, помещичьих и владельческих» [7, д. 121, л. 64].

Агитация и действия солдат, приехавших в село Никулино Курмышского уезда, были настолько вызывающими по отношению к духовенству, что священник местной церкви назвал их в лицо «разбойниками» [6, д. 229, л. 30]. Однако в данном селе солдаты контролировали сельский исполнительный комитет, и власть находилась в их руках. В Курмышский уездный исполнительный комитет было направлено заявление от солдат и граждан села с требованием помочь удалить священника. В заявлении священника обвинили в том, что он травил местных жителей на сельский комитет, отмечалось, что он участник чёрной сотни и противник нового строя [Там же, л. 31]. Однако священник села Никулино удержался на своём месте, так как за него заступились жители двух других деревень, относящихся к единому церковному приходу. Поддержка крестьян двух других сёл, где не было солдат, заставляет сделать вывод, что обвинения в адрес священника были надуманными.

Дело против священника села Никулино является ярким примером, когда откровенный подлог в обвинении использовался в целях, связанных с приобретением политической и экономической власти в сельской местности Симбирской губернии. Архивные материалы по губернии позволили сделать вывод, что солдаты, разделявшие революционные взгляды, использовали ложное обвинение, составленное от имени сельского общества, с целью последующего ареста наиболее влиятельных деятелей сельской местности. Так, например, солдаты, прибывшие в село Береговые Сырси Ардатовского уезда, угрозами заставили жителей подписаться под обвинением, что показало впоследствии расследование, добились в итоге ареста местного священника [Там же, д. 201, л. 15]. Инспирируя конфликты между местным населением и приходским духовенством, солдаты, влияя через сельские или волостные исполнительные комитеты, осуществляли захват церковных земель.

Следует заметить, что не только малоимущие крестьяне или солдаты притесняли духовенство в революционном 1917 г. В отдельных селениях Симбирской губернии состоятельные жители выступали инициаторами гонений на священников. Богатые крестьяне благодаря своему влиянию на односельчан старались подчинить себе и местный церковный приход, желая таким образом контролировать сельскую церковь. Рядовых поселян настраивали против самостоятельных священников. Столкнувшись с давлением со стороны состоятельных крестьян, священники со временем приходили к выводу о необходимости покинуть церковный приход [Там же, д. 221, л. 6].

Кроме крестьянства и солдат, чьи общественные и экономические интересы столкнулись с позицией православного духовенства в 1917 г., противоречия возникли между Православной Церковью и Временным правительством, вследствие решений правительства передать церковно-приходские школы в министерство народного просвещения и придать Закону Божьему статус необязательного предмета в государственной школе.

Конфликты между представителями власти Временного правительства, особенно на уездном уровне, и духовенством возникли из-за закона о проведении в жизнь хлебной монополии. По закону предусматривалась передача хлеба государству, за исключением определённой нормы, оставшейся у собственника хлеба. Продовольственные комитеты на местах старались применить закон о хлебной монополии в отношении крупных землевладельцев, к которым относили сельских священников. Например, в селе Черкасские Сыреси Алатырского уезда местный священник отмечал: «...в Сыресах ни у кого не отбирали и не учит[ыв]али хлеб, кроме меня» [Там же, д. 237а, л. 3]. В результате ряд сельских священников в губернии, отказавшись сдать районным продовольственным комитетам хлеб на учёт, были арестованы по решению уездных комиссаров Временного правительства [Там же, д. 235, л. 4-5].

Непонимание между отдельными представителями новой власти и духовенством возникло из-за вопроса о сосуществовании Православной Церкви и разнообразных религиозных течений, образовавшихся в результате отделения от Русской Церкви. Власти на местах старались, чтобы православное духовенство не так смело, как в дореволюционный период, проповедовало против раскола и его приверженцев, ибо так называемые «раскольники» приходили в волнение. Симбирский уездный комиссар Временного правительства, например, решительно раскритиковал священника села Яшная Ташла Симбирского уезда за проповедь против толстовства [Там же, д. 236, л. 4].

Следует отметить, что архивные материалы раскрыли заметную роль самих представителей различных религиозных сект в гонениях на православных священников в 1917 г. [Там же, д. 216, л. 17, 27]. В тех поселениях Симбирской губернии, где сторонники той или иной религиозной секты составляли значительное количество человек, священники подвергались особенно сильному давлению, цель которого – изгнание священника из села.

Религиозный фактор являлся немаловажным в произошедшей в 1917 г. трансформации социальных отношений между духовенством и симбирским обществом, где так называемые «раскольники» составляли треть по численности после православных христиан и мусульман религиозную группу.

Подводя итог необходимо подчеркнуть, что православное духовенство Симбирской губернии после Февральской революции 1917 г. испытало невиданный с момента проникновения православия в Симбирское Поволжье натиск революционных сил общества. Церковная земельная собственность, священническая власть, высокий социальный статус духовенства – всё это было поставлено под сомнение народными массами, участвовавшими в захватах церковных и монастырских земель, арестах и гонениях на священников. Борьба за земельную собственность и революционные акты насилия сформировали социальную ткань взаимоотношений православного духовенства и общества в 1917 г. и определили на долгие годы вперёд дискриминационное положение православного духовенства в государстве победившей социальной революции.

Список литературы

1. **Бабкин М. А.** Духовенство Русской Православной Церкви и свержение монархии (начало XX в. – конец 1917 г.): монография. М.: ГПИБ, 2007. 531 с.
2. **Введенский А. И.** Церковь и государство (очерк взаимоотношений Церкви и государства в России 1918-1922 гг.) М.: Мосполиграф, 1923. 253+1 с.
3. **Государственный архив новейшей истории Ульяновской области** (ГАНИ УО). Ф. 57. Оп. 1.
4. **Государственный архив Ульяновской области** (ГАУО). Ф. 81. Оп. 1.
5. **ГАУО.** Ф. 134. Оп. 1.
6. **ГАУО.** Ф. 134. Оп. 9.
7. **ГАУО.** Ф. 134. Оп. 13.
8. **Керенский А. Ф.** Россия на историческом повороте: мемуары / пер. с англ. М.: Республика, 1993. 384 с.
9. **Леонтьева Т. Г.** Вера и бунт: духовенство в революционном обществе России начала XX века // Вопросы истории. 2001. № 1. С. 29-43.
10. **Одинцов М.** Церковь и революция // НГ Религии. 2009. № 6.
11. **Поспеловский Д. В.** Русская Православная Церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. 511 с.
12. **Скала А.** Церковь в узак: история Симбирской – Ульяновской епархии в советский период (1917-1991 годы). Ульяновск: Дом печати, 2007. 968 с.
13. **Фирсов С. Л.** Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 г.). М., 2002. 623+1 с.
14. **Цыпин В.** История Русской Церкви. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. Кн. 9. 1917-1997 гг. 831+1 с.

**ORTHODOX CLERGY OF SIMBIRSK PROVINCE
AFTER FEBRUARY REVOLUTION (MARCH–OCTOBER 1917)**

Anton Alekseevich Dolmatov
Department of Region Studies and International Relations
Ul'yanovsk State University
antdolmatow@yandex.ru

The author analyzes the relations between the Orthodox clergy of Simbirsk province and society, which formed after February revolution (March–October 1917), basing on archival materials comes to the conclusion that after the collapse of the Russian monarchy, the clergy of Simbirsk province experienced the unprecedented pressure of revolutionary forces: church lands were seized, priests were arrested and expelled from parishes; and shows that all this led to the radical transformation of the relations between society and the clergy.

Key words and phrases: Simbirsk province; Orthodox clergy; February revolution; church lands seizure; conflicts between population and clergy.

УДК 1(075.8)

Философские науки

В статье раскрываются условия формирования псевдосферы местного самоуправления в правовом государстве либерального и консервативного типов. Показано, что функционирование органов местного самоуправления определяется совокупностью норм права и внеправовых норм. Использование тех или иных социальных норм зависит от верховенства духовной или светской власти, которое и определяет псевдосферу местного самоуправления.

Ключевые слова и фразы: псевдосфера; местное самоуправление; светская власть; духовная власть; нормы права; внеправовые нормы.

Сергей Петрович Дуреев, к. филос. н., доцент

Кафедра философии и социальных наук

Сибирский государственный аэрокосмический университет им. Академика М. Ф. Решетнёва

drvsp@yandex.ru

ПСЕВДОСФЕРА МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ[©]

Известно, что понятие «самоуправление» выражает состояние внутреннего управления субъекта, это управление, направленное внутрь субъекта на выработку адекватного социальной среде поведения. В свою очередь понятие «местное самоуправление» — это управление, направленное внутрь субъекта (района, коммуны, провинции, округа, губернии, земли, области, края, графства, штата и т.п.) на выработку адекватного для него поведения. Для субъекта местное самоуправление — это функция управления, имеющая свои особенности. Во-первых, вопросы местного значения решаются хотя и самостоятельно, но в русле единой государственной политики. Во-вторых, органы местного самоуправления не могут самостоятельно определять круг своих полномочий. Это особый уровень власти и управления, получающий от субъекта права, обязанности, компетенции, полномочия и т.д. Субъект для функционирования органов местного самоуправления предполагает определённую псевдосферу.

Понятие «псевдосфера» происходит от греческого «pseudos» — «ложь», т. е. ложная, мнимая сфера — «это мнимая, но от этого не менее реальная граница между тем, где выполняется какое-то условие, т. е. система устойчива и качественно определённа, и тем, где таких устойчивости и определённости нет. Она мнима, но очень реальна. Её нельзя увидеть, но за её границами — гибель системы, т. е. потеря системой качественной определённости» [3, с. 166]. Например, сущность определённой псевдосферы (например, конькобежец или самолёт) имеет жёсткие границы существования этой сущности: для конькобежца — это гармоничная смена положений тела во время бега, а для самолёта — соблюдение установленных условий для выполнения безопасного полёта.

Существование псевдосферы органов местного самоуправления — соблюдение норм права, обязанностей и полномочий, установленных субъектом (субъектом федерации, провинцией, округом и т.д.). Субъект через органы надзора осуществляет контроль деятельности органов местного самоуправления. В случае нарушения псевдосферы функционирования органов местного самоуправления (неисполнение переданных полномочий, нецелевое использование бюджетных средств и пр.) субъект приводит в соответствие их качественную определённость. Таким образом, функционирование псевдосферы органов местного самоуправления